

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ XVI—XVIII вв.

М. А. Барг

История социальных революций вообще и история революций XVI—XVIII вв. в частности относится к научным проблемам непреходящего историографического и социологического интереса. Неоценимое познавательное значение периодов социальной революции общепризнано в марксистско-ленинской историографии. На крутом переломе в жизни народов становится особенно далеко и хорошо видно. При столкновении двух последовательных общественных формаций — в данном случае капитализма и феодализма — каждая из них с особой отчетливостью обнаруживает в «зеркале» другой свою специфику и отличительные особенности. Недаром же, например, само понятие *féodalité* (феодализм) складывается только в XVII—XVIII вв., то есть тогда, когда обозначаемый им общественный строй уже переживал глубокий формационный кризис. Социальные революции до предела обнажают классовую структуру общества, выявляют глубоко таившиеся противоречия, срывают все покровы, отбрасывают все условности. «Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества,— подчеркивал В. И. Ленин,— вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений»¹. Все это с достаточной полнотой объясняет, почему эта проблематика является ареной острой идеологической борьбы в историографии². Особенности современного революционного процесса привлекли в последние десятилетия внимание историков, социологов, политологов и экономистов к «формам перехода» от феодализма к капитализму в странах Европы, и прежде всего к проблематике ранних буржуазных революций³. Начиная с 50-х годов научные дискуссии в этой области, по сути дела, не прекращаются.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 23—24.

² Из обширной литературы по этой проблеме назовем лишь несколько работ: А. Н. Чистозвонов. О стадийно-региональном изучении буржуазных революций XVI—XVIII вв. в Европе. «Новая и новейшая история», 1973, № 2; J. L. Talmer. The Origins of Totalitarian Democracy. N. Y. 1961; H. Arendt. On Revolution. N. Y. 1963; F. Boulding. Revolution and Development. Chicago. 1968; A. Déoufle. Sociologie des Révolutions. P. 1968; W. Bühl. Evolution und Revolution. München. 1970; R. Tucker. The Marxian Revolutionary Idea. L. 1970; «Revolution». Ed. by B. Mazlish. N. Y. 1971.

³ «Transition from Feudalism to Capitalism». A Symposium. Ed. by P. Sweezy, M. Dobb et al. N. Y. 1954; P. Geyl. Debates with Historians. Groningen. 1955; «Crisis in Europe 1560—1660». Ed. by E. Aston. L. 1965; «Le Colloque sur l'abolition du régime

Уже давно прошла пора, когда западная университетская наука всячески избегала самого термина «революция», когда лишь медленные, «незаметные» преобразования рисовались ей как «торжество мысли и разума». Ныне мы наблюдаем тенденцию прямо противоположную — понятие «революция» стало настолько «общеупотребительным», что поистине трудно назвать историческое явление, которое бы не подводилось под него. Так, мы слышим о «трех промышленных революциях» (XIII, XVI, XVIII—XIX вв.), о «двух финансовых революциях», о коммерческих, транспортных и т. п. «революциях»⁴. В этом ярко выраженном стремлении растворить категорию социальной революции в безбрежном море различного рода частных «революций» нельзя не видеть вполне определенную тенденцию: разорвать всякую связь между этой категорией, с одной стороны, и исторической сменой типов общественной организации — с другой.

Если попытаться в предельно сжатой форме обрисовать ведущую тенденцию современной немарксистской историографии проблемы, то она сводится к следующему: 1) в противовес марксистско-ленинской категории «эпоха буржуазных революций XVI—XVIII вв.», подчеркивающей социально-историческую, стадиальную однородность классовых битв, в нее включаемых, несмотря на их видимую хронологическую разрозненность, буржуазная историография выдвинула на первый план так называемое синхронное рассмотрение революционных кризисов, в котором вместо требования стадиальной однородности «кризисов» выдвигается принцип его «одновременности»⁵. Свое историографическое воплощение этот «принцип» нашел — поскольку это относится к Нидерландской революции XVI в. и Английской революции середины XVII в. — в нашу мевшей дискуссии о «кризисе XVII в.» и — поскольку это относится к Французской революции конца XVIII в. — в не менее разрекламированной концепции так называемой «Атлантической революции». Например, в первом случае в одном ряду с двумя названными революциями рассматриваются и такие движения, как Фронда во Франции, антикастильское восстание в Каталонии (1640 г.), отложение Португалии от испанской короны (в том же году), городские восстания в Палермо и Неаполе (в 1647 г.) и ряд других «кризисов» — вплоть до Крестьянской войны во главе с Пугачевым⁶. Во втором случае на материале «одновременных» политических кризисов XVIII в. обосновывается концепция особой, «западной» модели демократической революции⁷. Но, разрывая стадиальную связь и историческую преемственность Английской революции, с одной стороны, и Французской революции — с другой, и выдвигая на первый план «синхронные связи» — «XVII век», «XVIII век», — анализируемая историография (независимо от степени осознанности этого факта) смешивает межформационные социальные революции и внутрiformационные — более чем разнородные — «кризисы» и тем самым снимает всю проблему революционной смены исторических эпох, перехода от од-

féodal dans le monde Occidentale». In: «Annales historique de la Révolution Française». Avril—juin 1969; J. Elliott. Revolution and Continuity. «Past and Present», 1969, № 42; W. Markov. Revolutionen beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1969, № 5; «Preconditions of Revolution in Early Modern Europe». Ed. by P. Foster and G. Green. Baltimore. 1970; P. Zagorin. The Court and Country. N. Y. 1970.

⁴ P. Davis. A Commercial Revolution. L. 1967; P. Dickson. The Financial Revolution. L. 1967; B. Dickham. The Transport Revolution. [n. p.] 1967; cp. «Internal War». Ed. by H. Eckstein. N. Y. 1964; A. Stone. The Educational Revolution in England. 1560. «Past and Present», 1966, № 28.

⁵ R. Merriman. Six Contemporary Revolutions. Oxford. 1938.

⁶ «Preconditions of Revolution...».

⁷ J. Godechot. Les Révolutions 1770—1799. «Nouvelle Clio», 1963, № 36; R. Palmer. The Age of Democratic Revolution. N. Y. 1966; P. Amman. The 18 Century Revolution — French or Western? Boston. 1966.

ной общественной формации к другой, отрицает закономерный, всемирно-исторический характер этого перехода.

2) Усматривая основную предпосылку интересующих нас революций не в кризисе способа производства и основанных на нем социально-политических структур, а в «кризисе власти», «кризисе ценностей» и т. п., ориентирующаяся на «синхронию» эта историография полностью отрицает классово определенный характер революционных битв XVI—XVIII вв. При этом безразлично, предлагают ли нам рассматривать общества мануфактурного периода как «одноклассовые» (как это делает П. Лэслетт — в применении к Англии⁸), или усматривают «подлинный раскол» в обществе не между классами, а между «страной», «провинцией» и «королевским двором» (как это делает П. Загорин, характеризуя Английскую революцию⁹), либо, наконец, отрицают самую правомерность оперировать понятием «класс» в применении к характеристике социальной структуры французского общества в канун революции конца XVIII в. (А. Коббэн, Р. Мунье, Р. Кобб и др.¹⁰).

3) При этом «неважно», если достижение подобной цели связано с отказом от целостного рассмотрения буржуазных революций XVI—XVIII вв., с одной стороны, с разрывом связи между предпосылками этих революций, их ходом и результатами, с другой стороны, — с неизбежным извращением самой сути указанных революций. Последнее достигается либо отрицанием исторической необходимости революций как таковых, либо перечеркиванием отдельных этапов данной революции. Там, где марксистская историография видит восходящее развитие буржуазного переворота, «новая школа» усматривает «извращение» изначальных целей революции, ее упадок. Излюбленным приемом этой «школы» также является отрицание связи между выступлениями отдельных классов, прослоек и групп и этапами развития революции, вследствие чего сама расстановка борющихся сил застывает, лишается своей динамики и вся революция сводится к одному-единственному этапу, чаще всего начальному. В итоге отрицается решающая роль народных масс в победе буржуазных революций XVI—XVIII вв.: наоборот, их выступление рассматривается как «конец» демократического развития революции. Пожалуй, самое парадоксальное в выше охарактеризованной тенденции заключается в том, что этот очевидный отказ от принципа целостности в рассмотрении проблемы социальной революции проводится, с одной стороны, под флагом «системного подхода» к ней, который якобы воплощен в «синхронном срезе проблемы», а с другой — под видом соблюдения «историзма», запрещающего-де современному историку пользоваться понятиями (классификационными критериями), которые были неизвестны современникам событий.

Цель настоящей статьи — привлечь внимание к задаче сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII вв.¹¹ и — насколько позволяют рамки статьи — выяснить познавательные возможности такой методики сравнительно-исторического изучения, которая, основываясь на целостном подходе к эпохе интересующих нас революций, вместе с тем позволяет выявить внутреннюю диалектику процесса, переходы и развитие внутри единого. С этой целью мы рассмотрим три во-

⁸ P. Laslett. *The World We Have Lost*. L. 1971.

⁹ P. Zagorin. *Op. cit.*

¹⁰ A. Cobban. *The Vocabulary of Social History*. «Political Science Quarterly», Vol. 71, 1956, № 1; R. Cobb. *Les armées révolutionnaires*. P. 1961; R. Mousnier. *Problèmes des méthodes dans l'étude des structures sociales des XVI—XVIII ss.* In: «*Spiegel der Geschichte...*». Münster. 1964.

¹¹ О том, что сравнительно-исторический подход к буржуазным революциям XVI—XVIII вв. выдвинулся на передний край науки не только в буржуазной, но и в марксистской историографии, свидетельствует, в частности, плодотворная работа исследовательского семинара по данной проблеме при Университете Карла Маркса в Лейпциге.

проса: 1) Как соотносятся между собой всемирно-историческая эпоха революций XVI—XVIII вв., с одной стороны, и историческое своеобразие каждой из этих революций — с другой, или — что то же — целостность эпохи и целостность отдельно взятой революции этой эпохи? 2) Что нового таит в себе сравнительно-исторический подход к изучению проблемы раннебуржуазных революций в сопоставлении его с «линейно-хронологическим», «последовательным», обособленным подходом к ней? 3) Что скрывается за стадийным членением каждой из интересующих нас революций с точки зрения сравнительно-исторического их изучения? В качестве конкретно-исторического вопроса, на анализе которого делается попытка раскрыть особенности предлагаемой методики, мы избрали, пожалуй, центральный по важности вопрос марксистского изучения интересующих нас революций — вопрос о динамике классовых сил в этих революциях¹².

Известно, что одной из важнейших категорий марксистского историзма является категория «эпохи» как выражение общности глубинных закономерностей, раскрывающихся в историческом своеобразии данного периода общественного развития. Применительно к рассматриваемой проблеме указанная категория позволяет объединить революции XVI—XVIII вв., происходившие в рамках и на почве мануфактурного капитализма, в единый социологический тип. В историко-методологическом плане они составляют единую эпоху перехода от феодализма к капитализму¹³. Следовательно, в данном случае нас интересуют три революции, отобранные не по признаку победоносности (в этом случае следовало бы включить в рассмотрение Нидерландскую революцию XVI в.), а единственно по признаку «европейского масштаба» (К. Маркс) событий. Далее, из самой хронологической длительности этой эпохи вытекает необходимость стадийной дифференциации (по основным характеристикам) революций, в нее входящих. Этого требует исторический подход к изучаемым явлениям. Наконец, только марксистское понятие «эпоха» позволяет рассматривать каждую из составляющих ее революций в качестве сложного динамического целого, элементы которого не только связаны и взаимодействуют, но и претерпевают важные изменения в ходе этого взаимодействия. Марксистско-ленинский подход к революциям принципиально исключает их рассмотрение как чего-то от начала и до конца однозначного, готового, данного, где все «отношения», «позиции» и «функции» участников борьбы остаются от начала до конца неизменными¹⁴.

Отсюда проистекает столь характерное для марксистской историографии требование представить генезис и развитие революции в виде процесса углубления и нарастания изначального конфликта классов; развертывания движения этих классов в виде последовательного вовлечения в него отдельных их слоев и групп. Последние и олицетворяют не только меру внутренней неоднородности и пестроты революционных классов той поры, но и различную историческую меру революционности этих классов — в зависимости от того, какой слой данного класса выражал (в данный момент революции) наиболее адекватно его объективно-исторические задачи как целого.

Между внутренней системностью отдельно взятой революции и взаимодействием — в данной революции — внешней, по отношению к ней, целостностью эпохи (в плане всемирно-исторического развития) существует объективная и строгая взаимозависимость. В той же степени, в какой

¹² В трактовке вопросов, рассматриваемых в статье, автор опирался на работы многих советских историков. К сожалению, библиография этих работ в рамках данной статьи не могла быть сколько-нибудь адекватно отражена.

¹³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 88: «Эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова)...». См. Е. М. Жуков. В. И. Ленин и понятие эпохи в мировой истории. «Новая и новейшая история», 1964, № 5, стр. 3—9.

¹⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 311, 314, 315.

эпоха ранних буржуазных революций является целостностью лишь вследствие стадильной дифференциации составляющих ее революций, в такой же мере и каждая из более или менее крупных революций этой эпохи может предстать в своей неповторимой специфике вовсе не в силу изъятия ее из «общего ряда», не в результате ее обособления и «индивидуализирования», а, наоборот, лишь в ее соотносительности с целостностью «эпохи», в меру включенности в нее. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹⁵. Только при соблюдении этого условия выявляется историческое место данной революции в общей цепи революций этого типа и одновременно устанавливается стадильная ступень в продвижении самой «эпохи», ступень, олицетворяемая спецификой данной революции и отражающая стадию генезиса капитализма.

Таким образом, суть принципа целостности всемирно-исторической эпохи в данном случае заключается в том, что он позволяет выявить, открыть объективную диалектику истории, живую связь ее процессов, обычно разрывааемых не только границами государств, но и требованием «одновременности», приводящим к тому, что историю «режут» на «кусочки» любой временной протяженности, длительности. Явления, выступающие как локальная специфика при обособленном, последовательном — одно за другим — изучении каждой из сопоставляемых революций, оказываются в рамках единой эпохи, то есть (при сравнительном их изучении) проявлениями исторических закономерностей эпохи в целом. Иными словами, невозможно представить исторический процесс в его диалектическом движении, не раздвинув рамки наблюдений до хронологических пределов действия одной и той же исторической закономерности, то есть до пределов данной всемирно-исторической эпохи.

Итак, типизация каждой из интересующих нас буржуазных революций будет объективной лишь в том случае, если в основу исследовательской процедуры будет положена категория «эпохи». Но представить данную революцию как стадию «эпохи» — это значит осмыслить ее как развивающуюся систему, то есть как становление и развитие самого типа революции мануфактурного периода, как стадильную «разновидность» в развертывании «эпохи» в целом. В этом и заключается специфика исторического процесса: здесь «разновидности» и «варианты» единого проявляются не только в пространстве, но — что очень важно помнить — и во времени. Но это значит, что в каждом таком случае перед нами «вариант» в других исторических условиях, на другой стадии развития общего.

Так же как эпоха буржуазных революций расчленяется на стадильные ступени, то есть отдельные революции, последние, в свою очередь — и это хорошо известно, — расчленяются на отдельные стадии, фазы. Что менее известно или, во всяком случае, остается в тени в ряде исторических исследований — это то, что в каждой из революций обнаруживаются черты, характерные для предшествовавших революций, олицетворяющих предшествующую стадию данной эпохи, и черты, предвосхищающие более поздние революции, то есть более развитые, высокие стадии в развитии революций данного типа. Как уже подчеркивалось, для сравнительно-исторического изучения мы избрали три ранних революции «европейского масштаба»: Реформацию и Крестьянскую войну в Германии, Английскую революцию XVII в. и Французскую революцию XVIII века. Известно, что Энгельс охарактеризовал Реформацию и Кре-

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 263—264.

стьянскую войну в Германии как первую из трех решающих битв европейской буржуазии против феодализма¹⁶, и это несмотря на то, что по ряду черт этот кризис как будто еще «вписывался» в картину социальных движений средневековья. Тем самым Ф. Энгельсом была, по сути дела, поставлена общая методологическая проблема — рассмотрение всех трех революций европейского масштаба как единой «эпохи», как процесса поступательного развития буржуазных революций XVI—XVIII вв. (как типа революции мануфактурного периода), их движения от низших и далеко еще не зрелых форм к высшим, классически завершенным формам. Таким же образом представлял эту проблему и К. Маркс, расположивший три победоносные буржуазные революции XVI—XVIII вв. по трем стадияльно восходящим ступеням, то есть по степени их исторической зрелости. «Революция 1789 года,— писал он,— имела своим прообразом... только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию»¹⁷. Другими словами, цикл ранних революций предстает как единый процесс поступательного движения данного типа буржуазной революции, движения эпохи.

Проблему «внутренней стадийности» в развитии каждой отдельно взятой революции поставил В. И. Ленин. Он следующим образом формулировал познавательную задачу: проследить, «...как меняется положение различных слоев... буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция»¹⁸. Это указание содержит методологическую основу для сравнительно-исторического изучения трех указанных революций по интересующему нас вопросу.

В соответствии с изложенной в данной работе методикой исследование упомянутых революций ведется в двух направлениях: во-первых, рассматривая динамику классовых сил в трех великих европейских битвах с феодализмом — в Германии XVI в., в Англии 40-х годов XVII в. и во Франции конца XVIII в.— с точки зрения движения эпохи в целом и, во-вторых, рассматривая эту же динамику сквозь призму истории каждой из указанных революций в отдельности.

Из самого факта почти трехсотлетнего интервала между первым и заключительным актами революций этой эпохи (начало XVI в.— конец XVIII в.) правомерно заключить, что каждая из них олицетворяла определенный исторический тип перехода от феодализма к капитализму. И хотя число этих типов невелико, их достаточно, чтобы в исторически первом и последнем из них усмотреть полярности (противоположения) по многим существенным характеристикам эпохи в целом.

Например, по территориально-политическому признаку буржуазная революция — это «ц[ентрализованный] демократический переворот»¹⁹. Известно, однако, что революционный кризис в Германии начала XVI в. из-за неизбежной — в предшествующий период политической раздробленности страны — больше напоминал разрозненные и локально ограниченные социальные движения средневековья, нежели общенациональные революции нового времени. Французская же революция конца XVIII в. была уже классическим образцом общенациональной буржуазной революции. Точно так же, если исходить из исторических задач, которые революция должна была решать в каждой из европейских стран, то задача, стоявшая перед революционным движением в Германии начала XVI в.— политическое объединение страны, создание национального государства,— внешне продолжала борьбу на почве коллизий

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 307.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 114.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 155.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 379.

средневекового общества, то есть, по существу, навязывала буржуазному перевороту политическую задачу, которая в ряде других стран была достигнута еще в рамках феодализма. Французская же революция конца XVIII в. с этой точки зрения целиком принадлежала новому времени, поскольку ее целью было не создание национальной государственности, а овладение ею со стороны буржуазии, то есть конституирование политического господства буржуазии. Наконец, если обратиться к такому общеизвестному признаку раннебуржуазной революции, как гегемония буржуазии²⁰, то и здесь можно обнаружить полярности внутри одной и той же эпохи. Так, в Германии начала XVI в. на место класса буржуазии можно поставить лишь элементы таковой, в основном, разумеется, бюргерство, отнюдь еще не созревшее для того, чтобы, по выражению Маркса, променять «свое средневековое местное самоуправление на всеобщее господство буржуазии и публичную власть гражданского общества»²¹, а потому неспособное возглавить антифеодальную революцию. Во Франции же в конце XVIII в. буржуазия в ее верхних слоях была уже политически не только созревшей как класс, но и явно «перезревшей» для роли гегемона победоносного демократического переворота. Между этими противоположностями (начала и конца эпохи) Английская революция занимала со всех точек зрения среднее положение: ее буржуазия, хотя и делила гегемонию в революции с экономически близким ей «новым дворянством», сумела — как класс — от начала и до конца революции удержать гегемонию в своих руках, вопреки попыткам низов возглавить революцию на ее решающем этапе.

Подобным же образом стадиальные типы революций данной эпохи могут быть выделены и по ряду других признаков. Трудность этой задачи вырисовалась сполна в известной дискуссии по вопросу о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии²². Но тем самым было лишний раз продемонстрировано, что суть исторической «индивидуализации» предмета исследования заключается вовсе не в том, чтобы соотносить локальное с неким «идеально-типическим» представлением о данном явлении, с «эталоном», а в том, чтобы найти ему место в пределах реальной всемирно-исторической эпохи, к которой он принадлежит. Итак, сравнительно-историческое исследование позволяет воссоздать стадиально-дифференцированную картину ранних буржуазных революций. Поскольку очевидно, что «стадиально первая» революция (в Германии XVI в.), как и революция «стадиально заключительная» (во Франции конца XVIII в.), «еще» и «уже» не полностью укладываются в рамки изучаемой нами эпохи, постольку остается заключить, что обе они в определенных отношениях «выводят» исследователя за эти рамки и притом в противоположно направленные эпохи: в одном случае — от буржуазной революции к социальным движениям средневековья, в другом — от буржуазной революции к революции против буржуазности. Только благодаря наличию переходных черт в этих «стадиально-предельных» революциях каждая из сравниваемых революций может быть осмыслена не только как разрыв между двумя всемирно-историческими эпохами, но и как переход от одной к другой, как фактор, осуществляющий «преемственную» связь в истории борьбы классов различных эпох.

Далее, очевидно, указанная выше дифференциация буржуазных революций XVI—XVIII вв. несовместима с забвением той истины, что

²⁰ «Главным классом, — писал В. И. Ленин, — который тогда... шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 144).

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 432. «В Германии о буржуазии можно говорить лишь с начала XIX века» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 48).

²² См. дискуссии о характере Крестьянской войны и Реформации в Германии. «Вопросы истории» 1956, № 12; 1957, №№ 6, 8; 1958, №№ 3, 4.

каждому стадиальному типу этих революций в рамках данной эпохи характерны свои существенные особенности: своя степень размаха и глубины преобразований, своя особая мера массовости, сознательности, героизма, самоотверженности революционных масс, восставших против феодализма классов и слоев, своя мера завершенности. Вместе с тем если при сравнении с революциями более высокого стадиального типа все эти определения обнаруживают свою относительность, то это не значит, что, взятые сами по себе, в рамках своей стадии, они не были абсолютно значимыми вершинами исторической возможности.

Наконец, и это может быть наиболее важно, стадияльная дифференциация революций изучаемой эпохи открывает новые перспективы для подлинной индивидуализации каждой из составляющих ее революций. Если исходить из понятия «эпоха», то в каждой из революций, ее составляющих, отдельные этапы предстанут совершенно новыми гранями. Так, например, начальная стадия такой революции многими своими чертами оказывается «переживанием», резюме средневековой борьбы классов в данной стране, а последняя стадия в развитии демократического переворота предстает в известном смысле прологом ее новой истории, то есть борьбы классов в рамках буржуазного общества. Иными словами, в развитии отдельно взятой революции как бы заключена в сжатом виде история всей эпохи буржуазных революций, и, наоборот, отдельные стадии в развитии эпохи предстанут абстрактным выражением сути отдельной фазы в развитии данной революции. К сожалению, познавательные возможности этой диалектики «внешнего» и «внутреннего» в развитии интересующих нас революций при обособленном подходе к каждой из них недостаточно используются в конкретно-исторических исследованиях.

В свете только что сказанного можно сформулировать в качестве одной из первых следующую историографическую задачу: по возможности детальнее изучить конкретно-историческое проявление принципиального различия — в ходе буржуазных революций XVI—XVIII вв. — между элементами продолжения классовой борьбы, характерной для феодализма, то есть происходившей задолго до революции на почве противоречий собственно феодального способа производства (что имеет место на первой стадии этих революций), и борьбы против феодализма в условиях возникновения в его лоне капиталистического уклада и, следовательно, буржуазии как класса, борьбы, развертывающейся на почве капиталистических отношений (на решающей фазе революции). Историзм в данной области и заключается, например, в том, чтобы не подменять вопрос об отрицании крестьянством феодализма как способа эксплуатации в ту пору, когда условия для реализации этого отрицания еще не созрели, вопросом об условиях, делающих это отрицание объективно осуществимой, практически достижимой целью борьбы. Иными словами, на уровне конкретно-исторического анализа антифеодальные устремления революционных классов в ходе буржуазной революции должны различаться не только по своей конечной цели, но и по своей исходной исторической форме, мы бы сказали, по своему генезису. Неправоммерно рассматривать указанные цели как готовые, их следует анализировать в процессе становления. Только в этом случае вырисуется вся сложность процесса «совмещения» и «обобщения» этих целей в ходе революции.

Понятие «общенациональная революция», писал Ленин, означает не только то, что для ее победы «необходимо объединение... громадного большинства населения». Оно должно также «указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»²³. При анализе характера раннебуржуазной революции необходимо строго различать то, что буржуазная революция раз-

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 276.

рушала, и то, что она не только в потенции, в грядущем, но и в данный момент утверждала. Точно так же, как не все отношения, разрушавшиеся буржуазной революцией, являлись феодальными (например, общинная собственность, общинная организация), точно так же не все отношения, ею утверждавшиеся, были «однотипно» буржуазными. Другими словами, речь идет о том, чтобы объективно-исторически различать буржуазные отношения, олицетворявшиеся капиталистическим предпринимательством в городе и деревне, от буржуазности парцеллярного крестьянина или мелкого ремесленника. Что же касается субъективно-исторических устремлений этих классов и слоев, то известно, что глубина различий между ними была огромной. Все это должно предостеречь нас от тенденции упрощать содержание противоречий, проявившихся в лагере восставших в ходе изучаемых буржуазных революций. Из этого легко заключить, что сложность конфликтов, порождающих буржуазную революцию, отражает не только межклассовые, но и внутрисословные и внутриклассовые противоречия. Не удивительно, что каждый класс (крестьянство, буржуазия), в начале борьбы выступающий как нечто внутренне не расчлененное, раскрывается в ходе революции как сложная, внутренне противоречивая совокупность, социальная общность. Прежде всего это относится к буржуазии, однако не только к ней, но и к крестьянству и к городским низам. В самом деле, если крестьянство рассматривать как класс феодального общества, то наиболее значимыми окажутся различия правового характера: деление на пожизненных и наследственных держателей, держателей свободных и лично-зависимых, срочных мелких арендаторов и держателей на обычном праве и т. д. Если тот же класс рассматривать в связи с формированием капиталистического способа производства, то наиболее значимыми окажутся не правовые, а социально-имущественные различия: сельская буржуазия, среднее, трудовое крестьянство, малоземельные и безземельные слои, сельский плебс. Еще более сложной предстает структура буржуазии. Исторически это класс несравнимо более молодой в сопоставлении с крестьянством, класс, процесс формирования которого к началу революций далеко еще не завершился. Не удивительно, что обычное деление этого класса по «имущественному» признаку: крупная, средняя, мелкая буржуазия, — не передает всей сложности его структуры. Если рассматривать этот класс генетически, то есть с точки зрения тех слоев, из которых он формируется на завершающем этапе феодализма, то в нем обнаружатся: предприниматели — владельцы различного рода мануфактур (та есть буржуазия в собственном, ближайшем смысле слова), цеховая буржуазия, торгово-ростовщическая буржуазия, в том числе придворные и муниципальные слои, буржуа-откупщики, владельцы рент, должностей, обладатели монополий, одворянившаяся буржуазия и т. д.²⁴

При этом речь идет не об анахронизме, не о явлениях «остаточных», а о жизненно важных интересах, во многом определявших расстановку борющихся сил на различных этапах революции. Очевидно, что учет этой сложности внутриклассовых структур в марксистской методологии²⁵ принципиально отличается от ее «учета» в трудах «новой школы» западной историографии, ибо в первом случае за основу берется противоречие на базе способа производства, олицетворяющее антагонизм классов, конституирующее общество (как отрицаемой формации, так и формации, идущей ей на смену), во втором же — класс умышленно или неосознанно растворяется в «слоях», природа которых «выясняется» не в связи со

²⁴ В действительности градуированность ее еще сложнее. Следует учесть роль в ней так называемых свободных профессий, интеллигенции и ряда других прослоек.

²⁵ Как известно, над «растворением» «экономических классов» в сословных прослойках наиболее неутомимо трудятся такие историки, как Коббэн, и ряд других (см. A. Cobban. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge. 1957).

способом производства, а в полном отвлечении от него, на базе противоречий — внутрисловных, политических, религиозных и т. д.

Даже из вышеизложенной крайне упрощенной внутренней структуры революционных классов изучаемой эпохи видно, что развитие этих революций не могло быть прямолинейным, а представляло собой процесс, полный крутых поворотов, подъемов и спадов, приливов и отливов. Из этого следует, что наиболее адекватно объективный интерес того или иного класса — как целого — на разных этапах революции могли выражать различные его слои²⁶. Только учитывая это положение, можно понять классовую суть борьбы. При этом, разумеется, нельзя смешивать объективные классовые интересы и субъективные иллюзии этих интересов, а равно историческую роль тех и других. В этой передвижке «слоев», олицетворяющих интерес класса в целом на авансцене революции, и заключается суть развития революции, а одновременно и изменение роли в ней того или иного класса. Эта внутренняя динамика классов и создает в конечном счете объективную последовательность революционных событий, а вместе с тем и основание для типизации революций XVI—XVIII веков.

Из того обстоятельства, что интересующая нас «эпоха буржуазных революций» была «переходной», то есть по необходимости «состояла» из столкновений двух общественно-экономических формаций, следует, что историографию этих революций постоянно подстерегает опасность, заключающаяся в субъективной возможности историка «читать» соответствующие события преимущественно сквозь призму одной из эпох: либо «уходящей», изжившей себя (в результате все события архаизируются), либо грядущей, но еще не «ставшей» (в этом случае все явления «модернизируются»), фактически же в истории революции преломляется антагонистическое взаимодействие обеих эпох.

Именно это взаимодействие и составляет стержень истории буржуазных революций XVI—XVIII веков. Для того, чтобы сохранить эту объективную сложность событий, необходимо учитывать: 1) что история каждой революции на всех ее этапах как бы включает выше охарактеризованную проекцию трех времен: «прошлого», «настоящего» и «будущего» (тем не менее каждому этапу революции свойственна преобладающая роль одного из этих аналитических «планов»); 2) что класс буржуазии вступает на авансцену как бы «послойно», последовательно, один слой за другим; 3) что революционные потенции всех революционных классов в ходе революции изменяются, однако течение этого процесса для различных классов различно. Так, по мере развертывания революции происходит постепенное отпадение от нее верхних слоев буржуа и перемещение деятельно выраженного буржуазного интереса в революции ко все более нижестоящим ее слоям, то есть революционность буржуазии как класса возрастает по мере оттеснения с авансцены революции верхов и замены их нижележащими слоями (наоборот, революционные потенции народных низов возрастают по мере вовлечения в революцию все более широких их слоев); 4) что общий антагонизм по отношению к феодально-абсолютистскому режиму совмещается в лагере революции с внутренней борьбой за различные — исторически возможные — пути его разрешения, за конкретный тип буржуазного развития.

Попытаемся теперь, следуя логике указанных выше требований, выяснить, каковы задачи и перспективы дальнейшего конкретно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII веков. Первая из указанных трех временных проекций — «план прошлого», отчетливо прослеживающийся в начальный период каждой революции. Он олицетворяет те ее черты, которые представляли продолжение, «пережива-

²⁶ «Революционная демократия — собрание разнороднейших (по своему классовому положению и интересам, что совсем не одно и то же!) элементов. Расслоение их... неизбежно» (В. И. Ленин в ПСС. Т. 31, стр. 246).

ние» прошлого, классовую борьбу, характерную для феодального общества. Указанный «план» предполагает, что историку необходимо выяснить, во-первых, какие черты в структуре и позиции революционных классов, в коллективном поведении этих сил (психологии), в так или иначе сформулированных ими программах (в их идеологии) являлись продолжением характерных для феодализма форм антагонизма этих сил, во-вторых, как «выглядело» в этом «плане» то социальное зло, с которым боролись силы революции, каковы были их революционные возможности в борьбе с ним, как в этом «плане» относились друг к другу силы революции? Иными словами, нужно отделить в «поведении классов» — в особенности на первом этапе революции — черты, восходившие к традиционным средневековым формам в сознании и поведении. Без этого условия трудно понять специфику всего начального этапа этих революций.

Попытаемся проиллюстрировать суть данной задачи. Известно, что одна из черт буржуазных революций XVI—XVIII вв. заключалась в том, что они являлись одновременно и крестьянскими революциями²⁷, то есть революциями, вырвавшимися из основного антагонизма на почве феодализма, хотя, как известно, в тех условиях они могли стать исторической реальностью только в связи с общенациональным политическим кризисом, вызревавшим на почве капиталистического развития страны. Тем не менее суть крестьянской борьбы против средневековья нельзя механически сводить к требованиям буржуазии. Если истинно, что «антагонизм крестьянина и помещика... самый глубокий и типичный для буржуазной революции антагонизм»²⁸, то не менее очевидно и то, что этот антагонизм намного древнее буржуазии как класса и только объективно-исторически с ней связан. Иными словами, очевидно, что самую глубокую подпочву буржуазных революций XVI—XVIII вв. можно вскрыть только при условии рассмотрения ее предпосылок в «плане прошлого». Он позволит установить их генезис в вековой антифеодальной борьбе крестьянства за свободный труд на свободной от помещичьей власти земле. Точно так же только в «плане прошлого» крестьянство в революциях XVI—XVIII вв. выступает с единой программой аграрного переворота. Наконец, в том же «плане» буржуазия, наоборот, предстает еще по преимуществу как бюргерство с характерными для средневековых бюргеров социально-имущественными градациями и всеми вытекающими из них особенностями политического сознания и социального поведения. Слой крупной буржуазии того времени оказывается лишь слегка трансформированным городским патрициатом. Слой средней и мелкой буржуазии многими чертами своего социального поведения в указанном «плане» обнаруживает генетическую близость к бюргерской оппозиции в средневековых городах²⁹.

Немалый интерес представляет в том же «плане» и рассмотрение положения и поведения плевбса. С учетом только что сказанного легко объяснить всю зыбкость и проблематичность «союза буржуазии и крестьянства» на первом этапе революции, когда «план прошлого» сильнее всего выражен. Вспомним, что на такой союз средневековое бюргерство вообще не было способно.

Как и следовало ожидать, наиболее наглядно «план прошлого» раннебуржуазной революции прослеживается в событиях Реформации и Крестьянской войны в Германии начала XVI века. Будет даже точнее утверждать, что, поскольку развитие революционных событий здесь бы-

²⁷ В этом и заключается одна из непреходящих черт буржуазных революций XVI—XVIII вв. в отличие от непосредственно следующих за ними буржуазных революций 1830, 1848 годов.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 21.

²⁹ О бюргерской оппозиции см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 352—353. Энгельс прямо называет бюргерскую оппозицию предшественницей «наших нынешних либералов» (см. там же, стр. 353).

ло прервано в самом начале, они вообще представлены главным образом интересующим нас «планом». Не удивительно, что в Германии в начале XVI в. отсутствовал «тот раскол всей нации на два больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции». Вместо этого мы наблюдаем региональную раздробленность и в большинстве районов нечто подобное средневековым социальным движениям — «хаотическую массу» с весьма разнообразными перекрещивающимися устремлениями, сложный переплет интересов и взглядов, бросающихся в глаза, одновременность и разрозненность региональных выступлений революционных сил³⁰. Примечательно, что некоторые черты, характерные для революционного кризиса в Германии, проявлялись и во всех последующих революциях этой эпохи, однако главным образом на их начальной стадии.

«Капитализм,— подчеркивал Ленин,— не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач...»³¹. Еще с большим основанием это положение применимо к феодализму. Крестьянство, хотя и озлоблено страшным гнетом, трудно поднимается на восстание. Его разобщенность затрудняет достижение общей согласованности действий. Его мышлению, ограниченному провинциальной узостью, совершенно неясны политические аспекты борьбы. Его программа столь же реалистична, сколь и утопична по способу ее достижения. Знаменитые «12 статей» ярко свидетельствуют о том, насколько тесно революционные мотивы в программе переплетались с соглашательством, элементы разрыва — со средневековыми предрассудками, слабостями, ошибками, а то и вовсе «реакционными фантазиями», столь характерными для средневекового крестьянства.

Однако и поведение бюргерства в Германии в XVI в. может служить плодотворной «моделью» при изучении «плана прошлого» в поведении буржуазии эпохи революций XVI—XVIII веков. Наиболее характерной чертой в «социальном поведении» немецкого бюргерства, рассматриваемого в целом в событиях XVI в., являлось, как известно, абсолютное преобладание корпоративных интересов, сословного сознания над классовыми интересами и публичным сознанием (о чем свидетельствовало стремление использовать силу восставших крестьян исключительно в своих интересах, ничего не дав им взамен)³². Этим была обусловлена такая черта в поведении бюргерства, как полное непонимание исторической роли крестьянского движения в деле достижения общенациональных (то есть прежде всего бюргерских) задач революции, очевидное пренебрежение интересами крестьянства, равнодушие к нему — «...крестьянские требования были сведены к проекту «имперской реформы»³³.

Не менее характерной чертой в социальной позиции бюргерства явилась его глубокая внутренняя политическая и социальная неоднородность, неустойчивость, его склонность к соглашениям с врагом, его, мы бы сказали, связанность по отношению к врагу. Узость кругозора и провинциальная ограниченность интересов неизбежно подчиняли бюргерство во всех его действиях интересам того же княжеского мелкочерковия, против которого была направлена борьба. Одним словом, в той мере, в какой бюргерская оппозиция была обособлена и противостояла крестья-

³⁰ Там же, стр. 357—359. «В двух первых лагерях (католическом, или реакционном, лютеровском, или бюргерско-реформаторском.— М. Б.),— отмечает Энгельс,— мы... находим одни и те же элементы» (там же, стр. 359).

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 56.

³² С этой точки зрения «Гейльброннская программа» столь же мало отражала уровень этого сознания, как и «Статейное письмо» — уровень классового сознания массы восставших крестьян. Она, по выражению Энгельса, являлась лишь предчувственным «современного буржуазного общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 413).

³³ Там же, стр. 414.

янтву, она была реакционна. Та исторически неожиданная — для столь незрелых условий — громадная роль, которая выпала в самом начале событий на долю революционной партии Мюнцера в Крестьянской войне, была полностью обусловлена политическим уровнем бюргерской оппозиции и вытекала из незрелости и неспособности последней сыграть роль буржуазии в событиях ранней буржуазной революции³⁴.

Итак, первое великое восстание буржуазии против феодализма в его определяющих чертах правомерно рассматривать в качестве исторической модели той плоскости буржуазных революций XVI—XVIII вв., которая может быть охарактеризована как завершение истории борьбы классов в рамках и на почве феодального общества. Итак, в аналитическом отношении, в качестве аналитической категории «план прошлого» буржуазной революции в абстрактной форме отражал те особенности социальной природы каждой из сил революции, которые тормозили их способность к объединению, к общенациональному выступлению в начальной фазе каждой из буржуазных революций.

Как уже отмечалось, «план прошлого» присущ всем революциям изучаемой эпохи. Наиболее отчетливо он прослеживается на первом, «конституционном» этапе этих революций, хотя отдельные черты этого «плана» проявляются и в дальнейшем в поведении различных классов и слоев, составляющих лагерь революции, практически на всем ее протяжении. Да иначе и быть не могло: каждый из этих классов приходит к революции со своим специфическим историческим опытом, грузом убеждений и предубеждений, сложившихся в рамках средневековья, и более или менее длительное время ведет борьбу против абсолютизма и крепостничества в формах, обычных для его средневекового существования.

Так, в «плане прошлого» гегемонию в лагере революции осуществляет крупная, по преимуществу торгово-ростовщическая буржуазия. Именно она является преемницей той городской олигархии, которая дольше всего держалась за монополии и привилегии «корпораций» и поэтому труднее всего рвала со старым режимом, служившим источником и гарантом этих привилегий. Она ведет «битву» с абсолютизмом внутри традиционных сословных учреждений (штатов, парламентов), но цели ее настолько социально ограничены, что, например, в Англии XVII в. (как и во Франции XVIII в.) они были совместимы с сохранением не только монархии, но в значительной мере и власти феодальной аристократии. Отношение этого слоя буржуазии к народным массам даже в деталях воспроизводит отношение бюргерской олигархии к народным движениям средневековья; она не прочь ими воспользоваться, когда это ей выгодно, но при первых же признаках самостоятельности низов немедленно отрекается и предает их. С другой стороны, народные низы на этом этапе революции ведут себя так же, как и задолго до буржуазной революции, — как «инстинктивные» революционеры. Их движение, стихийное, разрозненное по месту и во времени, развивается параллельно с движением «буржуазной оппозиции», не сливаясь с ним, а как бы подпирая и дополняя его своими «делами» и нередко перехлестывая ее цели, поставленные ею пределы. Проблемы, волнующие низы, не общенациональные, а по преимуществу локальные, враг олицетворяется не классом, а тем или иным местным «тираном». Поэтому буржуазные революции XVI—XVIII вв., рассматриваемые в плане завершения классовой борьбы феодальной эпохи, предстают как движения крайне разнородные и по источникам антагонизма и по формам его осознания и борьбы. Самое главное в этом «плане»: обособленность, одновременность выступлений буржуазии и крестьянства, разнохарактерность источников восстания и целей борьбы.

³⁴ См. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М. 1955.

Рассмотрим теперь эти буржуазные революции в «плане настоящего». Этот «план» в отличие от предшествующего определяется теми чертами в динамике классовых сил, которые хотя и рождаются в рамках феодализма, но объективно-исторически уже исходят из капиталистического способа производства. Буржуазия в этом «плане» — прежде всего носитель нового способа производства, крестьянство же выступает как класс мелких товаропроизводителей. В самом деле, констатация того факта, что данная революция есть революция буржуазная, означает, как отмечал Ленин, «...что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства, и что результатом переворота неизбежно является дальнейшее развитие именно этих отношений производства»³⁵. Следует учитывать, что капиталистические общественные отношения в «плане настоящего» выступают не сами по себе, не обособленно, а только в той связи, в какой они предстают по отношению к отрицаемому ими феодальному строю. Очевидно, что с данной точки зрения в «игру сил» вступает принципиально новый, более высокий тип антагонизма — антагонизм двух способов производства: феодального и капиталистического, выдвинувшего на первый план политической борьбы носителя этого антагонизма — класс буржуазии. Этим в конечном счете объясняется, почему буржуазии, а не крестьянству было дано выразить существо этой социальной революции на языке, ей соответствующем, — на языке политики. Ненависть крестьянства к дворянству олицетворяла прежде всего огромную разрушительную силу, саму потенцию социального переворота, ниспровержения существующего строя; буржуазия же воплощала в себе историческое разрешение этого антагонизма, его объективное содержание, и поскольку антагонизм «на почве капиталистических отношений» исторически как бы суммировал конечный результат разрешения антагонизма крестьянско-феодального, то устремления буржуазии неизбежно становились в ходе революции мерилем всех вещей, обобщением всех тогдашних форм классового антагонизма вообще, основанием для определения их реальной, объективно-исторической сущности. Благодаря тому, что в буржуазных революциях XVI—XVIII вв. антагонизм между феодальным и капиталистическим способами производства преломлял в себе все противоречия, стремления и интересы, буржуазия — носитель этого антагонизма — обобщала в своей политической идеологии — в интересующем нас «плане» революции — перекрещивающиеся интересы всех сил революции. Разумеется, буржуазные интересы могли быть представлены ею как «национальные интересы» и ее историческое дело — «делом общенародным» только в той мере, в какой угнетенное состояние буржуазии могло выразить угнетенное состояние всего народа. И хотя между двумя основными носителями указанных выше двух типов антагонизма — крестьянством и либеральной буржуазией — проходила принципиальная историческая и социальная грань, определявшаяся различием между положением основного эксплуатируемого класса феодального общества, в одном случае, и положением класса, по своей социальной природе эксплуататорского, хотя и не господствующего по своему сословно-политическому положению — в другом, грань эта все еще оставалась в тени, по крайней мере на восходящей линии развития революции.

Этой роли либеральной буржуазии немало содействовали особенности феодального господства в позднее средневековье с характерной для него гипертрофией государственности в системе феодальной эксплуатации (перенос центра тяжести с сеньериальных форм ренты на централизованные ее формы). Орудия и формы угнетения казались общими.

В интересующем нас «плане» революции сословная угнетенность буржуазии, трансформированная в любую из форм политической идеоло-

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 204—205.

гии — религиозную или рациональную,—превращалась в просвещающую и мобилизующую силу революции.

Наконец, только в «плане настоящего» можно различить в «социальном поведении» буржуазии черты, казалось бы, максимально возможной для нее исторической раскованности, проявившейся в ее политических требованиях, призывах, декларациях, образно выражаясь, в моменты максимального отвлечения ее «от самой себя», от своей собственной природы, от своего грядущего врага. И если этой «раскованности» хватило буржуазии не до конца, если «потолок» отвлечения ее от самой себя как класса оказался в общем крайне низким, то в этом повинна ее социальная, собственническая природа. На то она и есть буржуазия!

Не учитывая, насколько интенсивно преодолевала буржуазия (разумеется, в отдельные периоды развития революции) свою унаследованную бюргерскую ограниченность, с одной стороны, и свою ограниченность классовую в качестве носителя нового способа эксплуатации — с другой, нельзя понять содержания гегемонии этого класса в революции против феодализма и абсолютизма.

Наиболее ярким историческим воплощением «плана настоящего» явилась Английская революция середины XVII века. С точки зрения роли в ней буржуазии как класса она в такой же мере заслуживает названия классической, в какой революция Французская конца XVIII в. заслуживает этого определения с точки зрения роли в ней народных низов, как в раннебуржуазной революции³⁶. На примере первой из них легко прослеживается поведение буржуазии на различных этапах революций. Поскольку английская буржуазия намного опередила в своем политическом развитии все другие классы и слои «угнетенного народа Англии», поскольку ее деятельность в сословно-представительных учреждениях (а эти учреждения функционировали и при абсолютизме) и политический опыт превосходили все, чего на этом поприще достигла буржуазия других стран Западной Европы, и поскольку ее классовый антипод — предпротариат — олицетворялся еще главным образом «рабочим на дому», усматривавшим своего врага скорее в соседнем лорде манора, нежели во владельце раздаточной конторы, то именно она, то есть буржуазия как класс, получила в тот момент наибольшую свободу «самовыражения». Как и следовало ожидать, последнее оказалось саморазоблачением. Итак, перед нами образец исторического поведения буржуазии в ходе буржуазного переворота, в условиях, обеспечивавших наиболее чистое проявление социальной природы этого класса. В условиях, когда она не вынуждена на «левоблокизм» военной интервенцией, когда она в крестьянстве «как союзнике» не очень нуждается (ввиду наличия более «респектабельного» союзника в лице «нового дворянства»), оказалось, что в этих условиях нет и в помине «союза с крестьянством». Английская буржуазия смело шла на восстание, увлекая за собой народные массы, но при этом обнаружила такую степень «трезвости» и «практицизма» в формулировке буржуазно-дворянской программы революции — знаменитой «Великой ремонстрации», — которая может быть объяснена только «полной свободой рук», созданной мерой ее политического перевеса над шедшими за ней массами. Итак, тезис о «союзе буржуазии с крестьянством» не выражает универсальный закон раннебуржуазных революций. В старом здании абсолютизма буржуазия — если ее интересы

³⁶ То обстоятельство, что буржуазия выступала в Англии в союзе с «новым дворянством», несколько не затрагивало ни капиталистического характера способа производства, утверждавшегося в битве с абсолютизмом, ни природы буржуазной гегемонии в Английской революции. «Новое дворянство» лишь с сословной точки зрения являлось дворянством, с точки зрения социально-экономической оно являлось лишь разновидностью той же буржуазии. Более того, отношение английской буржуазии к «новому дворянству» только свидетельствует о том, с кем буржуазия предпочитает быть в союзе в ходе революции.

как класса представляли «средние слои» — пробивала только те брешы, которые требовались для свободной циркуляции капитала. Такой смысл имели не только требования уничтожения «монополии», но и прекращения борьбы с огораживаниями общинных полей — этим величайшим из бедствий народа. Из 200 с лишним параграфов «Ремонстрации» мы не найдем ни одного, в котором отразились бы специфические нужды народных низов Англии. Иными словами, классическая форма «гегемонии буржуазии» ни в малейшей степени не включала «заботу» об интересах своих союзников слева, и прежде всего крестьянства. Нет сомнений, в гегемонии буржуазии как класса объективно-исторически «заложено» использование силы крестьянства, но в ней и в помине нет аграрного переворота в пользу крестьянства, нет союза с крестьянством. Если союз с крестьянством реализуется во имя самого крестьянства, то есть как аграрный переворот в пользу крестьянства, что случилось только во Французской революции, то даже в этом случае указанный союз — дело рук мелкой буржуазии³⁷. В Англии до гегемонии этого слоя, как известно, дело не дошло. Но почему же крестьянство все же следовало за классами-союзниками? Начать с того, что лозунги последних были достаточно широки для привлечения на свою сторону массы мелких товаропроизводителей (прежде всего фригольдеров), мечтавших о защите своих владельческих прав на земельный надел от власти лендлордов. Еще большие возможности для подчинения широких масс влиянию буржуазии открывали ее политическая и религиозная программы, сводившиеся к требованию учреждения конституционной монархии и реформированной веры (пуританизм).

В результате самой отличительной чертой Английской революции оказалась способность классов-союзников (средней предпринимательской буржуазии и «нового дворянства») сохранить за собой гегемонию от начала до конца движения, благодаря чему демократический переворот остался незавершенным. Английская буржуазия была уже задолго до революции «территориализована», то есть связала себя с крупным дворянского типа землевладением в качестве либо владельцев крупных поместий, либо крупных арендаторов дворянских доменов. Это обстоятельство превращало ее в союзника лендлордов. Иными словами, Английская революция оказалась «в плену» у тех слоев буржуазии, которые были враждебны устремлениям крестьянства. Этой особенностью в расстановке классовых сил революция середины XVII в. была обязана обнаружившимся на ее высшем этапе (1649 г.) противоречиям между значительным ее политическим радикализмом (проявившимся в казни Карла I Стюарта, объявлении Англии республикой, уничтожении палаты лордов) и поразительным социальным консерватизмом³⁸. В этом сказался в значительной мере результат политической незрелости и слабости мелкой буржуазии. Между тем только последняя способна была в тех условиях на подлинный союз с крестьянством.

Французская революция конца XVIII в., рассматриваемая в том же «плане настоящего», раскрывает ряд новых черт в динамике классовых сил буржуазных революций исследуемой эпохи. По сравнению с ее историческим прообразом — Английской революцией — она представляет единственный вариант, в котором осуществлялся союз гегемона революции — буржуазии и восставшего против феодализма крестьянства. Этот союз был реализован благодаря последовательному отстранению от гегемонии крупной и средней буржуазии³⁹.

Более высокий уровень развития капитализма обусловил здесь более глубокую эшелонированность и дифференцированность политиче-

³⁷ См. А. В. А до. Крестьянские движения во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М. 1971.

³⁸ См. М. А. Барг. Народные низы в Английской революции. М. 1967, гл. II.

³⁹ См. А. В. А до. Указ. соч., стр. 319 сл.

ских течений внутри самой буржуазии, гораздо большую политическую самостоятельность городских низов и более широкую возможность реализации тактики «левоблокизма» в борьбе за продвижение революции по восходящей линии.

Вот почему именно на примере Французской буржуазной революции очевиднее всего, насколько неправомерно оперировать категорией «буржуазия» безотносительно к степени революционности отдельных ее слоев, то есть безотносительно к тому, какой из этих слоев наиболее адекватно олицетворял на данном этапе революции «интерес» буржуазии как класса. По существу, перед нами различные уровни, разные типы революционности, равно как и гегемонии в рамках одного и того же класса⁴⁰.

В итоге «план настоящего» в этой революции вырисовывается как неизмеримо более завершенный, «очищенный» вариант Английской революции середины XVII века. Французская революция в сравнении с Английской намного динамичнее, борьба на всех ее этапах последовательнее и радикальнее, а главное — социальные противоречия в лагере революции намного резче выражены.

Итак, в «плане настоящего» Французская революция конца XVIII в. обнаружила такую меру зрелости народных низов, которая позволила «плебейской» массе мелкой буржуазии на время захватить гегемонию в буржуазном перевороте. Не удивительно, что именно эта революция дала «наиболее демократическое решение вопросов перехода от феодализма к капитализму»⁴¹. С этой точки зрения Французская революция конца XVIII в. в такой же мере является для всей эпохи изучаемых революций образцом самого широкого и самого глубокого демократического движения масс, в какой Английская революция середины XVII в. — образцом слабости и незрелости этого движения. И хотя еще предстоит выяснить, в какой мере это фундаментальное различие связано с различиями во внешнеполитической и военной обстановке, в которой протекали указанные революции, и в какой степени в нем запечатлелись объективно-исторические стадийные различия этих революций, сам факт разителен и сомнению не подлежит. Он заключается в том, что в различных странах объективные интересы буржуазного переворота в «плане настоящего» представляли различные слои буржуазии, отличавшейся разной степенью прогрессивности и революционности. Чтобы воочию убедиться в том, что каждый революционный класс в ту пору знал свою «гору» и свою «жиронду», надо прежде всего обратиться к поведению буржуазии в «плане настоящего» революции.

Что же касается крестьянства, то оно в этом плане выступает как более дифференцированное по своей структуре. По сравнению с «планом прошлого» на его поведении начинают сказываться имущественные и правовые различия между отдельными его прослойками. Подчинение крестьянского движения гегемонии буржуазии не проходит бесследно для позитивного содержания традиционной антифеодальной революционности этого класса. Лишь в «плане настоящего» крестьянская антифеодальная революция «сливается» с революцией буржуазной и притом не только по времени, но и по объективно-исторической сути.

Однако перевод традиционной антифеодальной крестьянской революционности в конечном счете на почву капиталистического способа производства не означал уничтожения граней между двумя типами рево-

⁴⁰ A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. P. 1958; cp. G. Rudé. The Grows in the French Revolution. L. 1962; W. Markov und A. Soboul. 1789. Die Grosse Revolution der Franzosen. B. 1973; cp. A. З. Манфред. О природе якобинской власти. «Вопросы истории», 1969, № 5; В. Г. Ревуненков. Санкюлоты и якобинцы. «Новая и новейшая история», 1969, № 3; «Французский ежегодник. 1970». М. 1970, стр. 278—303.

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 130—140.

люционности — крестьянской (демократической) и буржуазной (либеральной). Если даже отвлечься от громадного различия в удельном весе каждого из этих классов в революции, от уровня политического сознания, от степени их внутренней спаянности на базе общего антифеодального антагонизма, то останется еще огромное различие в способах борьбы, декларированных целях.

Дело в том, что поскольку для буржуазии капиталистический способ производства являлся хорошо осознанной реальностью, торжествующей экономической практикой, неодолимостью которой воспринималась ею как «естественный закон», постольку буржуазии оставалось требовать и добиваться главным образом, если не исключительно, адекватных политических условий — санкционирования этой действительности именем государства. Ее программа была по преимуществу политической. Интересы широкого, свободного, быстрого развития капитализма упирались для нее прежде всего в проблему власти.

Ничего подобного, разумеется, нельзя сказать о крестьянстве как классе мелких товаропроизводителей. Известно, что этот класс не осознавал исторических последствий своей борьбы. Действительностью же для него являлось его мелко, основанное на собственном труде хозяйство. Не приходится сомневаться, что в основе идеализации крестьянином так называемого трудового начала лежало его вековое стремление к свободной от феодального права parcelle, то есть требование коренного переворота в господствующих экономических отношениях в земледелии. «...Естественное стремление крестьян «разгородить землю», пустить всю землю под новую разверстку, это стремление и выражается в словах о том, что «вся земля божья»⁴², — писал В. И. Ленин.

Из вышеизложенного правомерно заключить, что принципиальное различие между двумя — буржуазным и крестьянским — типами революционности, олицетворявшимися, к примеру, в Англии соответствующими двумя аграрными программами революции, заключалось в том, что революционность буржуазии как класса была исторически менее последовательной, более ограниченной, так как именно в области землевладения она всячески склонялась к компромиссу с отрицаемым ею феодальным строем, революционность же крестьянства как класса была в этом важнейшем вопросе бескомпромиссной, она состояла в требовании полного уничтожения феодальных производственных отношений. Следовательно, в эту эпоху из двух сравниваемых классовых позиций именно в борьбе крестьянства за землю воплощался более последовательный тип революционности.

Однако то, что в исторической перспективе представало как отношение между решающим и второстепенным, перед взором современников, как и в последующей буржуазной историографии, выступало в отношении «перевернутом» — революционность буржуазии представлялась не только всеобъемлющей, но и всеопределяющей, в то время как революционность крестьянства — чем-то привходящим, частным и производным. Причиной, столь извратившей действительное положение вещей, являлось огромное различие в политической роли указанных классов, выявившееся задолго до революции, но еще больше в ходе ее.

Вопреки громадной роли крестьянской идеологии в вековой борьбе против феодализма исторически унаследованная политическая аморфность крестьянства, неспособность освободить себя от веками угнетавшей его власти господ делали крестьянство классом политически беспомощным, зависимым от буржуазии как гегемона революции, превращали этого колосса из ведущей социальной силы революции в силу политически ведомую. «Крестьяне... своей политики иметь не могут...»⁴³.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 421.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 141.

Очевидно, что революция — это, по сути дела, динамическая система, элементы которой могут быть поняты не порознь, не обособленно, а только во взаимосвязи друг с другом. Оценка роли плебса изолированно от этой связи ведет к мертвой абстракции. Если в «плане прошлого» революции этот слой еще весьма напоминает всем своим поведением декласированные элементы в традиционной структуре «старого порядка», то на завершающей стадии революции в его движении и сознании проявляются зримые черты класса-антагониста буржуазного правопорядка. Однако речь идет не о «частном случае» социальных противоречий, и не только частном интересе данного слоя. История буржуазных революций XVI—XVIII вв. — в силу политической половинчатости и непоследовательности буржуазии как класса — неизбежно приводит к ситуации, в которой предпролетариат полон решимости вести революцию дальше непосредственных целей ее гегемона. В этом заключена закономерность движения самой буржуазной революции, условие ее полной победы. Следовательно, в раздающемся из уст плебса требовании имущественного равенства, столь грозно звучащем для имущих классов, объективно заключено лишь условие торжества собственно буржуазной программы революции, то есть тех отношений собственности, которая плебсом столь горячо отрицалась. Парадокс заключается в том, что субъективно уравнивательные чаяния плебса объективно-исторически раскрывались только лишь как самая последовательная чистка страны от средневековья. «Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели»⁴⁴.

Вот почему завоевание буржуазией политической власти ни в коем случае не означало вершину революции. Таким образом, успех буржуазного переворота, его глубина определялись наличием в лагере революционных сил, способных на новом этапе двигать революцию дальше и вопреки буржуазии. Следовательно, подлинная вершина раннебуржуазной революции заключена в самостоятельном движении предпролетариата, в идеологии уравниательства. На верхнем переломе революции ярче всего выступал «план будущего», то есть специфика поведения различных классов и слоев на почве борьбы против «буржуазности» этих революций.

Если для буржуазии этот этап означал более или менее реальную опасность потерять гегемонию в революции — даже в лице слоя «радикальной буржуазии», — то для предпролетариата речь шла о его усилиях вырвать гегемонию из рук буржуазии, возглавить народные низы, возмущенные ее классовым эгоизмом. Оспаривание плебсом гегемонии у буржуазии в буржуазных революциях XVI—XVIII вв. объективно-исторически, разумеется, отнюдь не означало, что он хоть сколько-нибудь был способен предложить реальную альтернативу буржуазному развитию общества (хотя субъективно цель борьбы в далекой исторической перспективе являлась выражением именно такой альтернативы).

В заключение анализа этого «плана» заметим, что само по себе наличие плебейской идеологии, как и движения плебса — в ходе раннебуржуазной революции, еще не свидетельствует о том, что в ней реализован «план будущего». Так, в Германии народная реформация Мюнцера проявилась в самом начале Крестьянской войны, на почве антифеодальной борьбы крестьянства. Плебс возмещал историческую аморфность бюргерства. Далее, хотя в Англии движение диггеров проявилось уже на почве победившего буржуазного способа производства, оно взяло на себя роль глашатая демократического переворота. Радикальная чистка земельных отношений от средневековья произошла только во Франции, где якобинская диктатура решила «плебейским способом» основные за-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 308—309.

дачи буржуазного переворота. Здесь уравнильное движение выступило в «чистом» виде⁴⁵.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего нет сомнения, что задача сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII вв. назрела. Для решения этой задачи советская историография располагает огромной ценности научным заделом. Соотнесение каждой из указанных революций с эпохой буржуазных революций как выражением ее общих и фундаментальных закономерностей позволяет объективно выявить «неповторимую индивидуальность» каждой данной революции этой эпохи. Вычленение «трех планов» в анализе последних есть, разумеется, только логический прием, поскольку в реальной действительности они переплетались, проглядывали друг сквозь друга и затемняли друг друга. Однако он подсказан объективным процессом развертывания изучаемых революций. Он позволяет выявить и объяснить специфику в поведении каждого из революционных классов не только на уровне составлявших их слоев и групп, что само по себе приводит к более дифференцированной картине в расстановке классовых сил, но и позволяет увидеть саму революцию как сложное динамическое целое, в котором сдвиги в позициях одних сил неизбежно вызывают сдвиги в позициях всех других. Можно надеяться, что от внимательного читателя не ускользнет, что логическое вычленение трех «планов» в поведении классовых сил в революциях XVI—XVIII вв. наполняет внутренней динамикой каждую из стадий в развертывании этих революций. Классы в лагере революции предстают не только как сложные совокупности слоев и групп, вычленяемых по «имущественному» признаку, но и поскольку речь идет о буржуазии как слое класса только формирующегося, во многом сохранившие облик тех средневековых классов и сословий, из среды которых они вышли. Они привносят в формирующийся класс не только свои специфические устремления, но и живые исторические традиции, связи, психологию. Указанная методика позволяет глубже раскрыть и роль крестьянства в буржуазных революциях этой эпохи, устремления различных его слоев на различных стадиях революции. В целом же то или иное соотношение тенденций, гипертрофия того или иного «плана» в поведении борющихся классов и слоев в ходе революции определяют, «как сложится» в данной стране буржуазный строй (Ленин), то есть какая форма буржуазного порядка в ней восторжествует. Вообще следует подчеркнуть, что абсолютное большинство буржуазных построений в данной области сводится к тому, что один из «планов» анализа революций выдается за единственный. Это приводит к тому, что эти революции либо изображаются почти исключительно в «плане прошлого», тогда перед нами — средневековый по сути конфликт, либо они рассматриваются исключительно в «плане настоящего», тогда перед нами — апология государственной мудрости буржуазии, либо они исследуются, наконец, в «плане будущего», тогда вместо революции нам рисуют полную ужаса картину «социальной патологии» толпы, «массовые неврозы», «кровавые эксцессы», «хаос и разрушение». Таким образом, имеются основания полагать, что предлагаемая здесь методика, помимо позитивного исследовательского приложения, послужит эффективным средством историографического анализа и критики в данной области.

⁴⁵ См. В. М. Д а л и н. Грахх Бабеф. М. 1963, стр. 69.